

ОКТАВА

Вечный свет

Хор MusicAeterna показал в Перми свою «европейскую» программу

Юлия Баталина

Презентация в Перми программ, предназначенных для европейских гастролей, — традиция хора MusicAeterna Пермского театра оперы и балета. В прошлом году, отбывая в Экс-ан-Прованс, хор выступил в здании католического костёла, где впервые исполнил отрывки из оратории Филиппа Эрсана *Tristia*. Хор выступал малым составом, всего 16 человек, обстановка была очень праздничная — костёл заливал солнечный свет, только что закончилась месса... В этом контексте хоровая музыка производила очень возвышенное впечатление.

Нынче, год спустя, история повторилась, но стилистика была абсолютно иная: большой хор, зал частной филармонии «Триумф», почти полная темнота. Однако ощущение священодействия осталось.

Хор MusicAeterna исполнил программу, предназначенную для RuhrTriennale — крупнейшего фестиваля искусств, проходящего в Германии, куда певцы отбыли буквально на следующий день. Название для неё подсказало одно из исполняемых сочинений — *Lux Aeterna*, «Вечный свет» Дьёрдя Лигети. Красивое само по себе, оно ещё иозвучно с названием хора. Получилось, что вечная музыка несёт вечный свет.

Программа охватывает — правда, очень фрагментарно — пять веков хоровой музыки: от Томаса Таллиса, британского композитора XVI века, до Дьёрдя Лигети, дожившего до XXI века. Музыка Таллиса исполнялась в Перми впервые, а между тем это один из виднейших представителей английской музыкальной традиции. На его смерть его ученик Уильям Бёрд написал элегию, в которой есть слова «Скончался Таллис, музыка скончалась». Парадоксально, но произведения Лигети, практически нашего современника, известны в Перми не намного лучше. Его инструментальная музыка иногда звучит благодаря подвижническим начинаниям композитора и пропагандиста современной музыки Игоря Машукова, но хоровой Лигети звучал в городе впервые. Словом, было много открытий.

Программа была выстроена нелинейно: антемы Генри Пёрселла буквально не проследили её, создавая комфортные и благозвучные, словно специально созданные для отдыха ушей «подушки безопасности» между острыми, бес-

компромиссными, волнующими произведениями Лигети и Альфреда Шнитке.

Концерт начался с *Spem in Alium* Таллиса — грандиозного хорового мотета без выраженной мелодической основы, состоящего из чистой полифонии. *Spem in Alium* — это респонсорий, то есть хорал, построенный на перекличках голосов: большой хор как бы делится на пять восьмиголосных хоров, между которыми выстраивается сложный полилог. Хитросплетения музыки, в которой гармония важнее мелодии, погрузили зал в звуковую стихию, которая заполнила всё пространство; казалось, в ней можно утонуть.

Самый большой отклик у публики вызвали произведения Шнитке — многим хорошо знакомые духовные хоры на тексты самых популярных православных молитв и фрагмент из эпического Концерта для хора. В отличие от мотета Таллиса, это были melodичные, понятные, за самую сердцевинку души трогающие произведения, которые, кроме всего прочего, продемонстрировали отличную дикцию хористов: например, в церковных текстах выпукало звучали нередуцированные церковнославянские «О» в слабой позиции.

Заглавное произведение концерта, *Lux Aeterna* Лигети, было одновременно контрастно и логично по отношению к остальной программе — остросовременная вещь в то же время демонстрирует внимательнейшее отношение к традициям европейской

духовной музыки. Лигети безжалостно заставляет певцов издавать длинные, пронзительные и совершенно инструментальные звуки, которые, кажется, не имеют отношения к человеческому голосу. Для исполнения «Вечного света» нужно не просто сверхчеловеческое владение собственным голосом, как музыкальным инструментом, но ещё и какие-то особые физические силы, что-то вроде второго дыхания, которое возникает в моменты концентрации душевных сил.

Программа завершилась меланхоличным антемом Генри Пёрселла *Remember not, Lord*, приятно напоминающим финал «Дидоны и Энея».

Представление было выдержано в подобающем музыке аскетичном стиле. Одинаковые чёрные длиннополые одеяния у хористов — как женщин, так и мужчин; скучный свет, полнейшее отсутствие каких-либо декораций — картинка была предельно минималистическая. В пространстве частной филармонии «Триумф» хор звучал очень мощно, не зря на память приходило прошлогоднее церковное выступление: в «Триумфе» акустика своеобразная, там имеется некоторая реверберация, для инструментальной музыки это не очень хорошо, но для хора даже выигрышно — усиливает звук, слаживает шероховатости.

Раз уж речь зашла о новом концертном зале, который ищет собственную позицию в Перми, неподвижными будут

некоторые наблюдения. Прежде всего, в зале есть посторонние звуки: громко работает вентиляция, слышны трамваи с улицы. Для зрителя зал не слишком удобен — трудно сказать почему, но на сей раз организаторы концерта не стали строить ступеньки — все зрители сидели на одном уровне, в затылок друг другу, и уже на третьем ряду видимость была почти нулевая.

«Не надо смотреть. Надо слушать», — сказал по этому поводу руководитель MusicAeterna, главный хормейстер Пермского театра оперы и балета Виталий Полонский. Действительно, настоящий церковный хор — невидимка. Он должен звучать откуда-то сверху, словно ангельское пение, сопровождать церковные таинства, а не отвлекать от них. Его надо слушать, а не созерцать. И всё же на протяжении целого концерта наблюдать чей-то затылок, даже под очень хорошую музыку, — скучно, да и обидно: ведь то, как Полонский управляет своим хором, — это целое представление. Он не танцует, как Теодор Курентзис, а словно лепит музыку руками. Его взаимодействие с хором абсолютно зримо, их связь почти физически ощущима.

Словом, если зал «Триумфа» хочет соответствовать выступающим здесь коллективам, в него ещё придётся вложиться. А вот MusicAeterna, кажется, достигла совершенства. Даже страшно: что же дальше-то будет? Возможно ли пение лучше ангельского?